

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378:1
DOI 10.20339/AM.08-25.009

В.Н. Жуков,
д-р филос. наук, профессор, г. Москва
e-mail: vzhukov197@gmail.com

ДВЕ НАУКИ — ДВА ОБРАЗОВАНИЯ (ИЛИ О ТОМ, МОЖНО ЛИ ЗАПРЯГАТЬ ЛОШАДЬ С ХВОСТА)

В статье говорится о влиянии позитивизма на развитие высшего образования в России, разбираются конкретные причины и следствия этого влияния.

Ключевые слова: позитивизм, идеология позитивизма в образовании, дискретность знания, гуманитарная и естественно-научная сферы, диалектика, научная теория.

TWO SCIENCES — TWO EDUCATIONS (OR WHETHER YOU CAN HARNESS A HORSE FROM THE TAIL)

Vadim N. Zhukov, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow, e-mail: vzhukov197@gmail.com

The article deals with the influence of positivism on the development of higher education in Russia, specific causes and consequences of this influence.

Keywords: positivism, ideology of positivism in education, discreteness of knowledge, humanitarian and natural-scientific spheres, dialectics, scientific theory

Гений — парадоксов друг.
А.С. Пушкин

Введение

Сегодня стала общим местом констатация роста интереса к так называемым точным наукам и роста числа поступающих в вузы на соответствующие специальности. Однако надо быть осторожным в положительных оценках этого явления.

Почему? По двум основным причинам.

Первая причина заключается в том, что это явление представляет собой крайне одностороннее, однобокое развитие научного знания и образования, поскольку существует постоянная опасность обвала (или «уклона», как говорили раньше) в позитивизм как общее и единственно возможное направление развития высшего образования со всеми вытекающими отсюда последствиями. Культ всего только «конкретного» и «специального» безотносительно к общей цели развития науки, к ее общим перспективам может самым негативным образом отразиться на разви-

тии высшего образования. Не надо забывать, что мировые достижения советской науки в том числе были связаны с постоянным отторжением позитивизма в самых разных его формах и это было одним из необходимых условий расцвета научного знания. Принципиально антипозитивистская направленность нашей науки в прошлом неслучайна и хорошо известна, и нет сомнений в том, что такая направленность была одним из обязательных условий научных достижений. Нельзя также не вспомнить о том, что на рубеже 80-х и 90-х годов, когда ломалась не только страна, но и советская наука, когда занялись не просто унижением, а каким-то самоунижением в том числе и в научной сфере, — именно в это время произошел всплеск намеренно стимулированного интереса к позитивизму. Совпадение начала деградации науки в нашей стране и подъема интереса к позитивизму в то время — совсем не случайное явление. Поэтому сегодня при начале роста интереса к научно-техническим дисциплинам мы ни в коем случае не должны забывать этого, иначе получится, что «тихой сапой» это направление — позитивизм в самых разных вариантах, по-

терпевший в своих основных целях глобальную неудачу, — проскользнет в нашу науку, нанеся ей непоправимый вред, как уже было однажды.

Сразу надо сказать, что под понятием «позитивизм» в данном случае имеется в виду не только чисто философское направление, а именно общая идеология развития научного образования в целом, его общий смысл и стиль. Имеется в виду стремление вывести знание за пределы диалектических противоречий и тем самым достичь исключительной «положительности» в развитии знания.

Вторая причина еще более важна, и о ней почти не говорят сегодня. До сих пор даже в вузовских кругах нередко господствует представление о том, что есть точные науки и общегуманитарные, и такое разделение считается дежурной банальностью. Сейчас было бы слишком скучным вспоминать и растолковывать истину еще XIX в., что наука — одна, но, как медаль, она имеет две стороны своего существования — гуманитарную и научно-техническую, которые различны, но различны именно как стороны одного и того же, и в то же самое время абсолютно едины в своей научности. Именно научный подход к действительности и соединяет эти две стороны, объединяет гуманитариев и естественников. И подобно тому, как невозможно отделить одну сторону медали от другой, точно так же невозможно отделить гуманитарную сферу науки от естественной, а тем более их противопоставить, чем так любит заниматься позитивизм.

Основная часть

Разделение единого научного знания

Вспомним (ведь это всё было на нашей памяти) как в конце 80-х и начале 90-х было извращено, перевернуто, обогато прежде всего всё советское (да и не только советское, а вообще — научное) гуманитарное знание именно *в его отделенности, в его «особности», в его противопоставленности естественно-научному знанию*. Критиковалось, извращалось не столько гуманитарное советское знание, но сначала его как бы лишали доказательности и научности: сначала его превращали в якобы лживую идеологию, а только потом, после этого «отрезания» от единой науки, от единого научного знания начинали всячески его извращать. И ложь о советской науке началась именно с этого до сих пор не замечаемого и не констатируемого факта. Потом, конечно, эта ложь перешла и на советское естественно-научное знание, но уже потом. Это было уже как бы следствием не просто извращения советской гуманитарной сферы, а ее отделенности от естественно-научного знания.

Речь идет не просто о том, что сфера гуманитарного знания стала в эти катастрофические годы рассматри-

ваться как сфера свободы, господства разных «особых» мнений. Речь идет о другом: именно эта псевдосвобода, этот произвол мнений были лишь следствием порождения главного — резкого, абсолютного не просто разделения, а именно противопоставления гуманитарного знания естественно-научному до их полной несовместимости. *Именно в этом противопоставлении гуманитарное знание было полностью лишено научности, логичности, доказательности, унижено*, а часто и отдано на откуп людям с явными или неявными признаками психических расстройств (эти расстройства рассматривались, конечно же, как признаки «гениальности»). Об этом факте абсолютного, до несовместимости (как у Божьего дара с яичницей), противопоставления гуманитарного и естественно-научного знания почти никто не говорит до сих пор по простой причине — оно уже принимается как обязательно-дежурная данность. Одним словом, научность была изгнана, вытравлена из гуманитарной сферы, и этим даже гордились. Так самое примитивное обыденное мировоззрение, что в технической знании всё «точно и по формуле», а в гуманитарном — как в Сибири — куда ни поедешь, никогда не доедешь, вступило в свои права. Так произошла измена научному мировоззрению, и это было одним из источников того, что предательство стало профессией.

Обычно не задумываются над всем известным фактом — почему так легко некоторые люди стали менять свои убеждения, мировоззренческую ориентацию, почему так легко из коммунистов превращались в антикоммунистов, потом — в либералов и националистов и т.д. Дежурный ответ: дело просто в том, что у них не было никаких твердых убеждений и до этого они были приспособленцами, — не очень убедителен. На наш взгляд, одной из причин такого постоянного «переодевания» был начавшийся уже в поздние советские годы формализм и шаткость научного основания именно в так называемой общегуманитарной сфере. Более конкретно это проявилось в том, что и марксизм стали превращать в последние советские годы в некую общую идеологию (которой он никогда не был). Даже возникло мнение, которое особенно распространялось в 80-е годы, что есть история идеологий и что вкладывать средства в «идеологию марксизма» значительно выгоднее, чем во что-либо иное. Получалось удивительное дело: такой «марксизм», по мнению некоторых работников партийных органов того времени, был значительно прибыльнее, выгоднее, что ли. Так гуманитарная сфера, лишенная научного основания (в том числе и марксизм), превращенная в очередную идеологию (на смену которой, может быть, придет другая), лишалась и всякого твердого научно-логического основания, а без такого основания и свое мировоззрение можно было быстренько поменять на другое.

Именно с этого разделения и противопоставления начался губительный процесс для отечественной науки — процесс всё возрастающего дробления, фрагментации, всё возрастающего культа дискретности знания, когда на науку

стали смотреть как на бесчисленное количество изолированных в своей самодовлеющей специализации «островов» в океане потребительского невежества — и ничего более. Именно с помощью резкого противопоставления гуманитарного и естественно-научного знания была запущена цепная реакция распада единства знания, единства науки, а в конечном итоге и единства научно-организованного общества. Единство знания, единство науки, да и вообще единство жизни стало считаться чем-то ненужным и неактуальным и отдавалось на откуп так называемым «общеобразовательным», гуманитарным дисциплинам, которым снисходительно-небрежно позволялось поговорить о каких-то общих задачах науки и т.д., но всё это так, для интеллектуального досуга, что ли.

Первые признаки этого трагического процесса возникли еще раньше. Так, в 1959 г., демонстрируя свое невежество, Н.С. Хрущёв пытался выделить гуманитарные институты АН СССР в отдельную структуру, но тогда не прошло — отстояли. А вот теперь — прошло и отстоять не смогли.

За последние десятилетия принцип расчленения, разделения, стремления к обязательному дроблению целого на части стал пропитывать нашу жизнь, что, конечно, сказалось и на высшем образовании. Вот студент сдает экзамен и получает оценку (раньше это была всем известная пятибалльная система). Выставляя тот или иной балл, студенту не просто вписывали в зачетку ту или иную цифру, но в этой отметке была выражена степень низкого или высокого усвоения, *понимания* научного материала, а значит, пусть и в крайне мелком масштабе — степень усвоения единства знания изучаемого предмета: либо на «удовлетворительно», либо на «хорошо», либо на «отлично». И совсем не случайно морально-психологический момент оценки (ее как бы гуманитарная сторона) совпадал с научно-рациональным, цифровым, такая оценка давала одно целое. А вот если ставят 67 или 72 балла — какое единство выражают такие оценки?

Да и само высшее образование было разделено на бакалавриат и магистратуру, что совершенно не свойственно российскому менталитету, всегда стремящемуся к цельности и завершенности, к синтетизму мировосприятия, и напротив — очень характерно для аналитического мировоззрения Запада.

Наконец, добрались и до самого верха: Высшая аттестационная комиссия, которая была раньше при Совмине СССР, теперь была переведена на положение при Минобрнауки России. Тем самым российской науке указывалось, что она должна знать свое место. Тот факт, что в современном мире наука пропитывает буквально все сферы жизни общества, что научное (т.е. высшее) образование не есть в современ-

ном мире дело только отдельного министерства, — просто не принимался во внимание.

Так, разделяя всё во всем, везде и всегда, начав с разделения и противопоставления естественно-научного и гуманитарного знания, пришли в конечном итоге не просто к разрушению единства научного знания и научного прогресса, не просто к деградации высшей школы и науки в своей стране, а к оправданию пошлейшего «идеала» — самоудовлетворенности в эгоистической замкнутости так называемого «квалифицированного» потребления, потребления в том числе и достижений науки; да и на последнюю стали смотреть почти исключительно как на способ совершенствования этого потребления.

Человеческие ресурсы в науке и образовании

Обратимся к самому простому, понятному для любого думающего человека факту — к тому, как изменилось отношение к ученым с 90-х годов. Речь идет не просто о падении престижа науки и ученых званий — обычно думают, что дело только в невысоких зарплатах ученых и преподавателей вузов, обычно думают так, что увеличение финансирования высшего образования сразу же решило бы все проблемы. Это глубокое и очень распространенное заблуждение. Конечно, никто не против увеличения финансирования, но корень проблемы глубже и трагичнее. Ведь всем сегодня очевидно, что в отношении людей науки сохранилась только как бы внешняя скорлупа, внешняя форма почтения и уважения по инерции от советского времени и почти ничего больше. Да, конечно, и в советское время кандидаты и доктора наук были очень разными и не всегда оправдывали свои степени — кто этого не знает? И всё же само отношение к знанию было принципиально, качественно иным. Само знание рассматривалось как способ жизни, как способ ее понимания в целом. Само знание не поднималось над жизнью и не опускалось ниже самой жизни, а тем более не было поставлено в какое-то дополнение, в кластерный «довесок» к жизни — одним словом, знание и жизнь были почти тождественны. Представить себе было невозможно положение науки как чего-то такого, что только «рядом» с жизнью, как какого-то важного, но только «припёка» к жизни.

И только с начала 90-х, когда на науку и образование стали смотреть с позитивистской точки зрения, как на что-то обслуживающее интересы потребительства и рынка, не как на сферу поиска истины (какие старомодные слова!), а как на источник неуклонного роста комфортабельного потребления, это чисто позитивистское отношение к научному знанию вытеснило из науки всякую подлинно жизненную энергетику, всякую глубокую диалектику и превра-

тило ее в некий дом для «высоколобых» («яйцеголовых» в американском варианте), в кластер (какое пустоватозвонкое словечко), где обитают люди, которым не повезло в толкотне за прибылью.

Поэтому действительное, подлинное восстановление, возрождение, обновление высшего образования должно иметь центром восстановление *единства в научности* гуманитарной и естественно-научной сферы. Это не какая-то придуманная автором и высосанная из пальца «тонкость», якобы имеющая малое значение по сравнению с финансированием и другими важными сферами в науке. Это самый основной «нерв», если так можно сказать, подлинного восстановления научного образования в России — «нерв», на котором во многом и держалась отечественная советская наука. Научность знания — будь то гуманитарного или естественного — есть тот единственный «клей», с помощью которого и могут быть соединены эти две «половинки».

Именно в этом разделении-противопоставлении гуманитарной и естественно-научной сфер единого знания коренится всем известное, но явно не высказываемое внутренне полупрезрительное отношение ко многим гуманитарным дисциплинам как к общеобразовательным, т.е. как к какому-то «воздуху», к знанию «вообще», которое можно повернуть-крутануть и так и эдак, ведь у него нет никакой обязательной доказательности. С этим связан и психологический момент, когда родители советуют своим детям поступать на какой-нибудь социально-гуманитарный факультет — все понимают почему: там-де всё «в общем», а значит, и учиться будет «полегче».

Здесь следует сказать о том, что, как ни странно, как ни парадоксально это звучит, но в некоторых сторонах самой организации высшего образования в современной России мы видим тенденцию, прямо противоположную единству научности. Так, всем хорошо известно, какое количество гуманитарно-социальных университетов и академий развелось у нас за последние десятилетия, и точно так же известно, что существуют разнообразные технические университеты и академии. Напрочь забыто (что очень хорошо понимали и помнили и в царской и в советской России), что университет, академия — это и есть олицетворение единства научно-технического и научно-гуманитарного знания. А у нас получается так, что сама *форма организации высшего образования* — разделение университетского образования на гуманитарные и технические сферы — *работает против самой сути, против самого смысла понятия «университет» как места встречи того и другого вида знания.*

Позитивизм в науке и образовании

Но что же такое позитивизм как общая идеология развития знания, о чем говорилось выше? Об этом давно и замечательно написал еще Г.В.Ф. Гегель, критикуя всем известное положение И. Ньютона — «Физика, бойся метафизики». Суть гегелевского критицизма заключается в том,

что, отрицая философию как науку, Ньютон, а за ним уже О. Конт и все разновидности позитивизма впадают в самую худшую метафизику — начинают неизбежно выдумывать свою собственную метафизику, или, как выражается Гегель, «метафизику физиков». Вот как об этом пишет Гегель: «...я вижу, как Ньютон и весь сонм физиков после него хватаются за какое-нибудь сложное явление, упираются в него как в стену и начинают взнуздывать клячу с хвоста... И при этом часто бывало с ними, что какие-нибудь неважные для изначального состояния вещи, обстоятельства... они выдают за условия явлений и всякими хитростями, выдумками и ложью вдавливают, просовывают и вгоняют в явление всё то, что лежит перед ним и за ним. Притом у них не обходится без "изначальности"; они привносят метафизический абстракт» [1].

«Взнуздывать клячу с хвоста» и означает не понимать явление в его целостном и противоречивом развитии, а составлять о нем представление, механически складывая в одну кучу седло, вожжи, копыта и гриву лошади и др., и только как результат такого деревянно-арифметического «сложения», которое может продолжаться до бесконечности, и выводить в конце концов понятие лошади. Это, конечно, очень материалистично и позитивно, очень специально и конкретно, но к пониманию явления в его целостном развитии не имеет никакого отношения. Именно такой эмпирически-позитивистский подход порождает вульгарно-позитивистское отношение к действительности, в том числе и в сфере образования. Зато как всё специально и точно, без всяких общегуманитарных абстракций, без всякой метафизики-философии!

Вот такой «позитивный прагматизм», если так можно выразиться, и стал навязываться нашему образованию с 90-х годов. Это проявилось во многом: история философии для аспирантов была заменена «историей и философией науки», где истории науки — с гулькин нос, а почти всё время отдано толкованию философии науки, преимущественно в англо-американском варианте. Экзамен, в ходе которого проверялось понимание студентом материала и способность выразить это понимание своими словами, был заменен тестом-угадкой, в ходе которого студент не учился выражать свои мысли, а именно отучался делать это. Лекции стали читать только как преподнесение информации; курс философии для студентов был сжат в один семестр и т.д. Всё это была, конечно, чистейшая позитивистская «оптимизация образования» (где у нас только не проводили эту «оптимизацию»). И наконец, сегодня прямо заговорили о том, что наше образование остается еще слишком перегруженным «ненужными» в практике жизни и конкуренции предметами — да за борт их! Как считают, все эти общие гуманитарные проблемы давно истощили себя,

выжали себя в бессильном соревновании со всем специально-конкретно-позитивным и поэтому должны почти исчезнуть — нечего тратить время (оно, как известно, деньги) на изучение глубоких философских, культурологических, литературных, исторических и других истин. Они дают только «смутное знание» (Огюст Конт), а задача современного образования — растопить, выжать и обессилить эти истины в бесконечном «прогессе» всё более узко-специальной точности, в цепной реакции дробления на эту сверх- и суперспециализацию, где каждому сверчку будет дан навечно только свой шесток, с которого — никуда.

Еще в позднее советское время, обучаясь в аспирантуре МГУ имени М.В. Ломоносова, автору этих строк неоднократно приходилось слышать (конечно, не с высоких трибун, а в кулуарах) вопрос, в котором было не столько вопрошания, сколько внутреннего, явно еще в то время не высказываемого одобрения позитивизма: «Да что вы такого плохого нашли в позитивизме? Ведь вся его философия направлена к одному — исключительной положительности научных результатов. Разве это плохо?»

Да, на поверхности дело обстоит именно так, и позитивизм кажется именно научной философией (вернее, философией науки), и особенно греет душу его сторонников критическое отношение О. Конта к гуманитарной сфере.

Но особенно тяжело влияние идеологии позитивизма сказалось на положении философии в вузе. Ведь уже с начала XX столетия, еще в конце царского времени, а тем более в советское время, философия преподавалась как наука, имеющая диалектическую логику своего развития, а не как некая абстрактная общеобразовательная дисциплина или полубессмысленный набор концепций, из которых каждый может выбрать то, что ему нравится.

Поэтому особо актуально именно сегодня, в XXI в., для нас (стыдно говорить, а что делать — надо) звучат слова того же Гегеля, сказанные о положении философии в Германии начала XIX в.: «...Здесь циркулирует убеждение, что философскую кафедру может, собственно, занимать любой с большим или меньшим успехом или даже более того, так как известно, что без философии не может существовать ни одна наука или факультет, и вместе с тем чувствуют, что наука не содержит ничего философского и без этого продвинулась столь далеко, то кажется, что философия, собственно, и состоит в этом ничто» [2. Т. 2. С. 259]. И еще: «В этих нынешних условиях времени, при этом шуме и гаме можно ли надеяться, если все деньги идут на другие нужды, что много средств будет затрачиваться на спокойную науку, тем более на философию и метафизику? ... Философия и без того, как считается, отжила свой век. Считают подходящим для того, чтобы стать профессором философии, человека, который ничему путному не учился и не гож ни

на что лучшее...» [Там же. С. 338]. Ничего не напоминает, уважаемый читатель?

Теоретизм vs прагматика

Да и действительно, зачем заниматься этой странной наукой, которая так любит тишину, спокойствие и неторопливую вдумчивость среди насущных забот дня, среди «шума и гама», который со времени Гегеля возрос многократно? Пробежали, прошли эту разговорчиво-абстрактную философию, отдали ей дань и почтение, признали какие-то заслуги ее в прошлом — и скорее дальше, дальше к дорогой, милой сердцу прагматике, к чему-то положительно-ощутимому (потрогать можно, а лучше всего посчитать — так, как считали кроты в «Дюймовочке» Андерсена, кроты, которые думали, что и есть в жизни только этот счет и нет ничего другого); бегом от этого пусто-абстрактного «ничто» философии — только деньги приходится платить преподавателям.

С чем связано такое отношение не только к философии, но и ко многим «общегуманитарным» дисциплинам. Еще раз повторим, что сам этот термин (или еще говорят — «общеобразовательные») содержит какое-то внутреннее унижение, молчаливо подразумевая в этих дисциплинах что-то настолько общее и неконкретное, что только и может существовать и пока еще выживать до поры до времени за счет всего конкретного и прагматичного — пасынки, нахлебники, захребетники какие-то, да и только. Да и всё громче голоса тех, кто открыто в современной России призывает избавиться от перегруза образования этими предметами, сбросить их, так сказать, с корабля современности, на всех порах мчащегося к наслаждению потребительством.

Лежит на поверхности то, что с начала 90-х годов образование в России, и особенно высшее, стало оцениваться совсем не с научной точки зрения, а с уровня крайне низкой, вульгарной части обыденного сознания: низшее стало судить и указывать путь развития высшему. Образование стало оцениваться по рейтингам, перспективам карьеры и др. подобным приятным вещам. Но в глубине этого лежала плохо скрываемая (а иногда и совсем не скрываемая) ненависть агрессивно-прагматического невежества к «разным там теориям». «Будут деньги, будет всё», — помните, уважаемый читатель, это пошлое бодрячество? Было совсем недавно, да и осталось.

Тот известный для любого человека, серьезно занимающегося наукой, факт, что научный теоретизм, глубина и серьезность сознательной деятельности может иметь (и имеет) *первостепенное* значение, в лучшем случае не понимался (да и сейчас мало понимается), в худшем — просто подвергался издевкам. Вернемся к Гегелю. «Я каждый день убеждаюсь всё больше, что теоретическая работа осуществляет в этом мире гораздо большее, чем практическая. И

если царство представлений уже перевернуто, то действительности не устоять! Практическое действие не замедлит появиться» [2. Т. 2. С. 301–302]. Дальше делается вывод, что «изучение философии — это подлинная основа всякого теоретического и практического образования!» [Там же. С. 338].

За что же на самом деле выступают те, кто с плохо скрываемой неприязнью говорит, что наше образование якобы перегружено «ненужными» общетеоретическими и общегуманитарными предметами? Неужели эти люди действительно хотят возрождения высшего образования именно как высшего научного знания или просто хотят его свести к интеллектуальному натаскиванию на тот или иной набор навыков-компетенций, которые при изменении ситуации легко менять? Ясно, что эти люди выступают за последнее, т.к. наука и образование для них не есть поиск истины, а изворотливость в конкурентной толкотне за успехом. Поэтому так ненавидится всё спокойно-вдумчивое, аналитически-неспешное, без чего серьезная научная теория не может существовать, с одной стороны, — и так любезен душе этих людей «шум и гам», о котором писал Гегель, с другой.

Возрождение образования в подлинно-глубоком смысле этого слова зависит, конечно, не от прямолинейной перестановки теории буквально, механически на первое место по отношению к практике; и конечно, нельзя сохранять старое положение вещей, когда псевдонаучный позитивизм и прагматизм кухонного толка диктуют науке способ ее развития.

Заключение

Действительное возрождение образования именно как высшего уровня познания возможно только в одном случае — при наличии ведущей, определяющей роли научного теоретизма, который бы занимал первое место по отношению к практике по своему более высокому качеству, если

так можно сказать, но ни в коем случае не занимал бы это место буквально-механически. Такое положение вещей может быть понято, осознано, выражено только теоретически и диалектически — и никак по-другому.

Это, в свою очередь, обязательно ведёт к необходимости возрождения диалектической парадоксальности научного знания, т.е. того основания науки, с которого она и началась в античной Греции и которого как огня боится позитивизм с его постоянным стремлением убрать всякую противоречивость в научном мышлении и прийти только к однозначно-положительному познанию. Диалектическая парадоксальность мышления — единственное противоядие не только против плоского обыденного сознания, везде видящего только поверхность, но такая парадоксальность — главное противоядие против засилья позитивистской идеологии, которая по-прежнему оказывает существенное влияние на наше образование. Диалектическая парадоксальность «есть систематическое, связанное целое, нечто такое, в чем начало есть неразвитый результат, а результат есть развитое начало... В этом отношении логическая наука противоположна, по Гегелю, физической науке, в которой всё «раздроблено, разбито на куски, разрознено, разбросано, не имеет в самом себе необходимой связи и именно поэтому носит лишь конечный характер». Собрание разрозненных знаний не образует науки, наука же есть там, где всё содержание науки связывает воедино одна объединяющая идея» [3].

Это идея парадоксальности диалектического развития, принципиально антипозитивистская по своему существу. Поэтому добавим от себя: воспитать в студенте, аспиранте так называемое цифровое мышление, компьютерную грамотность совсем не трудно, а вот достичь именно целостного научного мировоззрения — дело, напротив, совсем не легкое, но вполне возможное на основе принципиального изменения отношения к так называемым «общегуманитарным» предметам, и прежде всего — к философии.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 391, 389–390.
2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 259.
3. Ситковский Е.П. Философская энциклопедия Гегеля // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 43.

References

1. Hegel, G.V.F. Works of different years in two volumes. Moscow: Mysl, 1973. Vol. 2. P. 391, 389–390.
2. Hegel, G.V.F. Works of different years in two volumes. Moscow: Mysl, 1973. Vol. 2. P. 259.
3. Sitkovsky, E.P. Hegel's Philosophical Encyclopedia. In: Hegel, G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Science of Logic. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1974. P. 43.